

ОБОРОНА ПРОТИВЪ НАПАДАЮЩИХЪ

НА ОБОРОНУ

СЕВАСТОПОЛЯ (*).

Въ продолженіе пяти лѣтъ слышу и читаю я разныя обвиненія по оборонѣ Севастополя, въ особенности по артиллерійской и инженерной частямъ. Еслибъ отъ того терпѣлъ я одинъ—начальникъ севастопольскаго гарнизона, то оставилъ бы безъ вниманія, ибо событіе говоритъ само за себя. Но помрачается память столь многихъ павшихъ геройскою смертію и уменьшаются заслуги пережившихъ севастопольскую бойню, подвизавшихся съ неизмовѣрнымъ самоотверженіемъ. Я не могу оставаться въ страдательномъ положеніи: совѣсть и слава отечественнаго оружія вызываютъ меня на оборонительное положеніе.

Щитъ, который я подставляю ударамъ нападающихъ, будетъ облеченъ въ совершившіяся событія.

Въ запискѣ начальника артиллеріи севастопольскаго гарнизона, отъ 19 марта настоящаго года, помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ», очень основательно опровергнуты обвиненія дѣйствія артиллеріи, какъ фактами, такъ и выписками изъ французскихъ писателей — дѣйствующихъ лицъ при осадѣ Севастополя. Но я, въ этомъ случаѣ, не могу не обратить вниманія на одно обстоятельство.

(*) Статья графа Дмитрія Ерофѣевича Остенъ-Сакена, препровожденная при письмѣ отъ 14 декабря 1860 года, получена въ Редакціи въ то время, когда первая книжка «Военнаго Сборника» за 1861 годъ была уже составлена и частью отпечатана.

Ред.

Критикъ подкрѣпляетъ свое обвиненіе моимъ приказомъ по гарнизону отъ 6 августа, № 279.

Вотъ текстъ приказа:

«Отличное дѣйствіе артиллеріи 2-го, 3-го, 4-го и 5-го от-
«дѣленій, вчерашняго числа, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, ибо
«сбито 30 непріятельскихъ орудій и многія батареи принуждены
«были умолкнуть.»

«Усматривая изъ этого примѣръ отличной дѣятельности и
«распорядительности, считаю пріятнымъ долгомъ объявить мою
«искреннюю благодарность: гг. начальникамъ праваго и лѣваго
«фланговъ, генераль-лейтенантамъ: Хрулеву и Семякину; началь-
«никамъ отдѣленій: генераль-майору Шульцу, капитану 1-го
«ранга Перелешину, въ особенности капитану 2-го ранга Ан-
«дрееву, и капитанъ-лейтенанту Ильинскому; начальникамъ ар-
«тиллеріи: капитану 1-го ранга Спицыну, капитанъ-лейтенанту
«Юрьеву, въ особенности лейтенанту Лазареву, и помощнику
«артиллеріи 5-го отдѣленія Вроченкѣ; командирамъ баталіоновъ
«и батарей, въ особенности капитану 1-го ранга Никонову, капи-
«танъ-лейтенанту Янушевскому, лейтенантамъ: Усову, Артюкову
«1-му и Артюкову 2-му, и всѣмъ гг. офицерамъ означенныхъ от-
«дѣленій. Но не могу не замѣтить, что, при началѣ канонады,
«правый фазъ Малахова кургана упустилъ изъ вида немедленное
«открытіе огня, для содѣйствія батареямъ 3-го отдѣленія.»

По мнѣнію моему, приказъ этотъ составляетъ справедливую
оцѣнку превосходнаго дѣйствія артиллеріи, а частное замѣчаніе
разительно выражаетъ, какое строгое вниманіе было обращено и
на малѣйшіе случаи, для поддержанія бдительности, которая,
болѣе, нежели гдѣ либо, была необходима, при небывалыхъ усло-
віяхъ обороны. Слѣдовательно, артиллерія не могла, какъ гово-
ритъ критикъ, постоянно ослабѣвать и дойти до совершеннаго
бездѣйствія.

Безпрестанно слышатся обвиненія: «зачѣмъ замкнули горжу
Малахова кургана, Корнилова бастиона?»

Я самъ врагъ замкнутымъ горжамъ; но есть случаи, гдѣ мѣст-
ность не позволяетъ оставить горжу открытою. Здѣсь это объ-
ясняется двумя словами: самое названіе «курганъ» показываетъ,
что онъ возвышается надъ окружающими его предметами. Мала-
ховъ курганъ только съ фронта имѣетъ подступъ довольно от-
логій; съ боковъ и сзади—крутизны. Сзади отъ крутизны идетъ

отлогій спускъ до Сѣверной бухты, за которою противоположный берегъ возвышенный; но разстояніе отъ Малахова кургана около двухъ верстѣ и, слѣдовательно, дѣйствіе картечью недоступно. Кромѣ того, сосредоточенный непріятельскій огонь, чему мѣстность совершенно способствовала, огонь, по большей части изъ морскихъ, огромнаго калибра орудій, до того былъ убійственъ, что необходимо было пересѣчь редутъ траверсами, отчего, и при удобствѣ обстрѣливанія его внутренности картечью, огонь былъ бы не дѣйствителенъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на траверсы, которыми редутъ былъ наполненъ, мы теряли на немъ, въ послѣднее время, въ одну ночь, болѣе 700 человекъ, и все-таки верки Малахова кургана, по случаю продолжительной засухи и хрящеватой почвы, къ девяти часамъ утра были разрушаемы и ровъ съ фронта мѣстами засышаемъ. Одна начиненная порохомъ кадка, брошенная на Малаховъ курганъ, опрокидывала въ ровъ цѣлый мерлонъ.

Очевидно, что, несмотря на отвращеніе мое къ замкнутымъ редутамъ и батареямъ, я не могъ не согласиться съ предложеніемъ превосходнаго начальника работъ, Тотлебена, котораго всѣ дѣйствія по работамъ обороны были поразительно основательны и своевременны.

Когда, въ 1856 году, сказалъ я генераль-адъютанту Тотлебену, что насъ осуждаютъ за замкнутіе горжи Корнилова бастиона, то онъ, между прочимъ, справедливо замѣтилъ, что безъ того, 6 іюня, въ день отбитаго приступа, Французы, ворвавшіеся въ Корабельную сторону, могли черезъ открытую горжу войти въ помянутый редутъ.

Одинъ прусскій военный писатель (*), въ сочиненіи своемъ: «*Betrachtung über die Vertheidigung von Sevastopol*», утверждаетъ: «сопротивленіе въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ (**)

признается однимъ изъ славнѣйшихъ событій въ російской арміи».

Многіе говорятъ, что Малаховъ курганъ взять по оплошности.

Защитниковъ было съ резервомъ около 6,000; отрядъ для приступа состоялъ изъ 30,000.

(*) Я не знаю имени автора, но получилъ выписки изъ сочиненія отъ генераль-адъютанта графа Сумарокова.

(**) Оборона продолжалась 11½ мѣсяцевъ.

Препятствія съ фронта бастіона исчезли, ибо ровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ засыпанъ.

По невозможности вылазки съ нашей стороны, непріятель могъ усилить атакующій корпусъ, взявъ войска съ любой точки.

Если бы у насъ и было достаточно войскъ въ общемъ резервѣ, большое пространство и пресѣченная мѣстность не существовали бы, то и тогда подкрѣпленіе не могло бы успѣть вовремя, ибо приступъ есть дѣло мгновенія — успѣхъ или отбой.

И что значила бы горсть подкрѣпленія противъ сильнаго корпуса нападающихъ, направленнаго на одну точку, гдѣ искусственныя препятствія исчезли?

Пусть порицатели поставятъ себя на мѣсто гарнизона и начальствующихъ лицъ!

Здѣсь относительно духа гарнизона, бдительности и подчиненности, до самаго 349 дня обороны — перехода на Сѣверную сторону — въ защиту осажденныхъ, обращаюсь опять къ тому же прусскому писателю.

Излагая невѣроятныя затрудненія, встрѣчаемая при разрушеніи работъ, говорить: «что не препятствовало, частыми вылазками, разрушать работы непріятельскія; до послѣдняго момента геройскаго сопротивленія, не было замѣтно въ русскихъ львахъ ни малѣйшихъ слѣдовъ деморализаціи, столь обыкновенной въ гарнизонахъ крѣпостей.»

«Упорство обороны, по искусству и мужеству войскъ, было столь замѣчательное, что только при неслыханныхъ, небывалыхъ, огромныхъ матеріальныхъ средствахъ и при столь удобномъ и легкомъ сообщеніи достигли союзники до овладѣнія южною частію Севастополя, въ чемъ, конечно, они не успѣли бы, если бы Севастополь не находился на самомъ берегу, но немного во внутрь края.»

Прусскій военный писатель заключаетъ: «ежели прусской арміи случится защищать свои бруствера за короля и отечество, то однимъ только подражаніемъ защитѣ Севастополя можетъ она удостоиться украшеніемъ себя лавровымъ вѣнкомъ».

Вотъ свидѣтельство иностранца, истиннаго солдата въ душѣ, который и вчуже радуется добросовѣстной службѣ.

Въ сочиненіи: «*Guerre d'Orient, Siège de Sébastopol, Historique du service de l'Artillerie*» (1854—1855), изданномъ по приказанію военнаго министра, сказано: «каменистая почва и живой,

постоянно усиливавшійся огонь Русскихъ показали, что для возведенія батареи, которая во всякое другое время требовала бы 36 часовъ, нужно было 5 и 6 дней работы».

Въ другомъ мѣстѣ: «въ ноябрѣ и декабрѣ вылазки Русскихъ стали производиться все чаще и чаще и артиллерійская прислуга должна была имѣть при себѣ ружья съ примкнутыми штыками».

Изображая планъ, составленный 2 февраля, въ журналѣ этомъ, сказано, между прочимъ: «по причинѣ огромныхъ средствъ Русскихъ (!), параллель надлежало заложить на разстояніи 1,800 метровъ отъ Малахова кургана, 1,700 метровъ отъ Малаго Редана и 2,000 метровъ отъ бастиона № 3-го».

Далѣе: «Атака Викторіи въ высшей степени возбудила энергію Русскихъ. Они умножили оборонительныя верки Зеленаго холма, засады, всегда чрезвычайно мѣшавшія Французамъ, съ помощію которыхъ образовали они свои собственныя параллели—контръ-апроши, посредствомъ коихъ подвигались на встрѣчу Французамъ, такъ что, 18 (6) марта, передовая параллель Русскихъ находилась отъ французской параллели всего на 250 метровъ. Французы не уступали Русскимъ (*), и употребленіе въ дѣло находившихся вблизи каменоломень придавало атакамъ истинно фантастическій, небывалый видъ».

Далѣе: «къ 9 апрѣля, у Французовъ было на батареяхъ противъ Малахова кургана 92 орудія, а на лѣвомъ флангѣ 296 орудій, а у Англичанъ 140 орудій».

Какому адскому огню подвергался бастионъ Корнилова отъ сосредоточенныхъ выстрѣловъ и какъ мгновенно были разрушаемы верки, возводимыя и возобновляемыя въ хрящеватой почвѣ!

Далѣе говорится въ журналѣ: «удлиненныя ружейныя пули Русскихъ, пускаемыя изъ контръ-апрошей подъ большимъ угломъ прицѣла, поражали людей между траверсами и крайне тревожили рабочихъ».

Эти удлиненныя пули — ничто иное, какъ перелитыя изъ круглыхъ пуль, по тогдашнему французскому образцу, полу-

(*) Истинная правда: кромѣ блистательной храбрости, они оказывали столько же постоянства и терпѣнія. Замѣчательно, что между Русскими и Французами, безпощадно во время боя поражавшими другъ друга, существовали взаимное сочувствіе и уваженіе, точно такъ, какъ, въ 1849 году, относительно Венгерцевъ.

сферическія стержневые пули, пускаемыя изъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей. Полетъ ихъ: прицѣльный 600, дальній 900 шаговъ, слѣдовательно втрое далѣе нашихъ круглыхъ пуль. Принявъ начальствованіе надъ гарнизономъ 25 ноября, я тотчасъ же приступилъ къ изготовленію формъ: въ севастопольской мастерской и на пароходахъ. Я обратился къ Его Императорскому Высочеству Генераль-Фельдцейхмейстеру, по приказанію котораго были мнѣ очень скоро высланы, въ большомъ размѣрѣ, формы изъ Тулы. Также покойный графъ Никитинъ, по просьбѣ моей, прислалъ мнѣ формы, сдѣланныя въ Кременчугѣ, на заводѣ Потемкина, такъ что съ прогрессивнымъ успѣхомъ замѣнялись круглыя пули полусферическими и первыхъ скоро не стало. Къ нимъ возвратились тогда только, когда, по приближеніи непріятеля къ самымъ твердынямъ нашимъ, полетъ круглыхъ пуль былъ недостаточенъ.

Далѣе въ журналѣ «Siège de Sébastopol» сказано: «19 (7) мая, Пелиссье былъ назначенъ главнокомандующимъ и, получивъ 40,000 подкрѣпленія, началъ свои дѣйствія преобразованиемъ организаціи арміи, которая, со включеніемъ 15,000 Сардинцевъ, простиралась до 200,000 человекъ.

Далѣе: «18 (6) іюня назначенъ былъ приступъ Малахова кургана, хотя пятая параллель находилась еще въ 450 метрахъ отъ Малахова бастиона и въ 500 метрахъ отъ потерны въ куртнѣ. Одновременно предполагалось произвести атаку и на городскую часть».

«Хотя изъ 448 французскихъ орудій, изъ которыхъ 113 дѣйствовали противъ Малахова кургана, 17 и 18 (5 и 6) сдѣлано было 50,000 выстрѣловъ, однако, четыре французскія дивизіи, съ двумя пѣшими батареями, которыя можно было везти на лошадяхъ, и пятью конными батареями въ резервѣ, не могли взять Малахова кургана.»

Далѣе: «отъѣздъ генерала Тотлебена (*), тяжело раненаго 20 (8) іюня, былъ весьма чувствительнымъ испытаніемъ для Русскихъ».

(*) Ошибаются: раненый, генераль-адъютантъ Тотлебенъ оставался долго на Южной сторонѣ, и когда рана начала принимать гангренозное свойство, то его перевезли на Сѣверную сторону; но онъ не переставалъ давать направленіе работамъ до конца обороны, что было нетрудно, ибо онъ изучилъ вполне мѣстность. Начальники работъ обохъ фланговъ, по приказанію моему, каждый день отдавали ему отчетъ и получали наставленія.

Далѣе: «Съ 28 на 29 (16 на 17) августа, были взорваны (у Французовъ) два большіе пороховые магазина съ 7,000 килограммовъ пороха и 350 гранатами. При этомъ было повреждено 4 орудія и убито и ранено 140 человекъ».

Далѣе, передъ послѣднимъ приступомъ: «Русскіе могли продолжать прямую стрѣльбу только по нѣскольку часовъ утромъ, а потомъ ограничивались навѣснымъ огнемъ; 239 орудій гремѣли противъ Малахова кургана, 370—противъ лѣваго фланга, и 194 англійскихъ—противъ большаго Редана».

Слѣдовательно, 803 орудія, большею частію огромнаго калибра, поражали верки и войска сосредоточенными выстрѣлами,—верки, воздвигнутые наскоро, въ сыпучей почвѣ и въ ужасную засуху.

Есть ли что либо подобное въ лѣтописяхъ войнъ?

Далѣе: «Было предположено: 8 сентября (27 августа), въ 12 часовъ утра, произвести общій приступъ всѣмъ веркамъ. По своему значенію, обширности средствъ (*) и усилій обѣихъ сторонъ, по предусмотрительности и смѣлости, съ которыми приступъ былъ произведенъ, по мужеству и безстрашію обѣихъ сражавшихся сторонъ, приступъ этотъ не имѣетъ подобнаго себѣ въ исторіи.»

Грустно прибѣгать къ свидѣтельству иностранныхъ писателей и дѣйствующихъ лицъ.

Севастополь былъ не крѣпость, а *ничто* въ родѣ укрѣпленнаго лагеря, который сооружался вмѣстѣ съ осадными работами, подъ огнемъ большею частію морскихъ, огромнаго калибра орудій, взятыхъ съ соединеннаго громаднаго флота двухъ первыхъ въ мірѣ морскихъ державъ, и перевезенныхъ моремъ небывалаго при осадахъ числа мортиръ, при содѣйствіи съ моря, огнемъ соединенныхъ флотовъ, при недостаткѣ у насъ блиндажей, по неимѣнію бревенъ и невозможности привезти ихъ безъ путей сообщенія, при удобствѣ подвоза снарядовъ, продовольствія и войскъ, посредствомъ владѣемыхъ непріателемъ морей, тогда, когда мы не имѣли путей сообщенія, и, слѣдовательно, порохъ и снаряды—первая потребность обороны, не могли доставляться своевременно. Осажденные иногда имѣли такъ мало пороха, въ сравненіи съ осаждающими, что были дни, во время бомбардированія, когда

(*) Обширность средствъ была на сторонѣ противниковъ, имѣвшихъ огромный флотъ и владѣвшихъ моремъ и, слѣдовательно, легчайшими перевозочными средствами.

на сто непріятельскихъ выстрѣловъ приходилось отвѣчать пятнадцатю.

Нельзя было имѣть болѣе невыгодной мѣстности для обороны: мѣстность осаждающихъ господствовала, и внутренность Севастополя открыта непріятелю; онъ могъ видѣть почти каждое движеніе. Южный Севастополь пересѣченъ, или раздѣленъ на двое; Южную бухту, что затрудняло сообщеніе, которое устроено было сначала на малыхъ судахъ, потомъ кладки на бочкахъ, ибо, при первомъ сообщеніи, суда были разбиты непріятелемъ и сообщеніе прервано. Обѣ бухты—подъ огнемъ непріятельской артиллеріи.

Потеря, при оборонѣ Севастополя, заключалась въ 81,000 бывшихъ изъ строя, кромѣ заболѣвшихъ и умершихъ отъ болезней.

Въ 349 дней обороны, духъ и подчиненность гарнизона, до послѣдней минуты обороны, остались поразительными. Все, что можно было замѣтить, это, въ послѣднее время, равнодушіе къ жизни и къ чувству самосохраненія.

Ближайшіе помощники мои: замѣститель мой, въ случаѣ выбитія моего изъ строя—адмиралъ Нахимовъ, начальникъ штаба моего по гарнизону—князь Васильчиковъ, начальникъ работъ—Тотлебенъ, начальникъ артиллеріи—Шейдеманъ, всѣ члены гарнизона подвизались съ истиннымъ самоотверженіемъ и вполне исполнили долгъ свой передъ Богомъ, Царемъ и отечествомъ.

Наука опредѣляетъ сорокадневный срокъ обороны для первоклассной крѣпости, послѣ которой гарнизонъ съ честью можетъ заключить капитуляцію. Но законъ этотъ былъ установленъ для осады артиллеріею осадныхъ парковъ, а не съ добавленіемъ средствъ отъ двухъ громаднхъ флотовъ.

Непріятель, оцѣнившій духъ гарнизона и оборону, не позволилъ себѣ предлагать капитуляцію, безъ сомнѣнія, увѣренный въ отвѣтъ отрицательномъ.

Помноживъ крайній срокъ обороны первоклассной крѣпости (на избранной лучшей мѣстности, при обыкновенныхъ условіяхъ обороны)—40 дней, на 8, составитъ 320 дней. «*Оборона многострадальнаго Севастополя*» — выраженіе знаменитаго пастыря Иннокентія—продолжалась 349 дней. Гарнизонъ выведенъ безъ капитуляціи, и непріятель не преслѣдовалъ его, несмотря на то, что трудный переходъ по длинному, верстоваго разстоянія, мос-

ту и перевозъ войскъ на малыхъ судахъ продолжался отъ сумерекъ 27 до 8 часовъ утра 28 числа — болѣе 13 часовъ.

Нѣкоторые иностранные писатели и бывшіе враги наши поразительно оцѣнили оборону Севастополя и считаютъ ее безпримѣрною. Къ сожалѣнію нельзя сказать того о нѣкоторыхъ нашихъ соотечественникахъ, которые выказываютъ желаніе набросить тѣнь на событіе безпримѣрное, далеко превзошедшее оборону Сарагоссы.

Спрашивается: добросовѣстно ли исполненъ долгъ обороны, и благословило ли Провидѣніе службу осажденныхъ? Я же убѣжденъ, что подобное сверхъестественное событіе — 349 дней обороны воздвигаемыхъ твердынь, на мѣстности ниже неудобной, при стеченіи гибельныхъ для насъ послѣдствій, противъ невысказанныхъ средствъ осады, не могло совершиться человѣческими усиліями, но совершилось помощію свыше.

Вся эта кровавая драма внутри твердынь и невыразимыя любовь и сочувствіе «къ многострадальному Севастополю» въ сердцахъ Русскихъ извнѣ, имѣли характеръ возвышенной поэзіи, достойной эпической поэмы.

Внутри: Ожесточенный, не прерывающійся бой. Безпрестанная носилка съ изувѣченными, стоны этихъ страдальцевъ. Телѣги, наполненныя трупами. Неумолкаемый громъ болѣе 2,000 орудій, взрывы разрывныхъ снарядовъ, дробь ружейныхъ выстрѣловъ. Ночью все небо, покрытое огнями бомбъ, гранатъ и ракетъ, которыя, въ звѣздныя ночи, для взора, перемѣшивались со звѣздами (*). Полное самоотверженіе осажденныхъ, сроднившихся съ мыслью о смерти, равнодушныхъ къ ней и занятыхъ единственно чувствомъ обязанности. Перевязочныя мѣста съ своимъ замѣчательнымъ Пироговымъ, который, подавая въ себѣ чувство жалости къ физической боли, преданный одному чувству долга, съ десятками подвижниковъ, доходитъ до изнеможенія, совершая сотни труднѣйшихъ операций. Миазма въ воздухѣ, тифозныя горячки, гангренозное расположеніе самыхъ легкихъ ранъ. Сестры милосердія, съ полнымъ самоотверженіемъ побѣдивъ въ себѣ чувство стыдливости, что еще труднѣе, съ трогательнымъ вы-

(*) Въ одну такую ночь (не въ дни бомбардированія), стоя на галлерей Николаевской батареи, велѣлъ я считать пускаемые къ намъ разрывные снаряды: счѣтавшій дошелъ до 2,000 и сбился со счета,

раженіемъ любви и участія ухаживаютъ за больными, перевязываютъ раны, утѣшаютъ умирающихъ (*).

Извѣтъ: Высокое чувство любви. Полное сочувствіе. Пламенные молитвы. Лихорадочное состояніе, при полученіи извѣстій. Поразительная преданность Царю и любовь къ отечеству, только русскому человѣку свойственныя въ такой степени. Самоотверженіе во всѣхъ видахъ его.

Умолкнуть мелкія страсти. Исторія безпристрастно оцѣнить событіе.

ГР. ДМИТРІЙ ОСТЕНЬ-САВЕНЪ.

(*) Зуавскій капитанъ Пьеръ, во рву Селенгинскаго редута, въ головѣ своей роты, взятый въ плѣнъ тогда только, когда былъ зашибенъ нѣсколькими ударами прикладовъ, оставался нѣкоторое время для пользованія въ Южномъ Севастополѣ. Онъ внушилъ къ себѣ сочувствіе благороднымъ характеромъ и благовоспитанностію. Однажды посѣтилъ онъ въ госпиталѣ взятаго въ плѣнъ французскаго капитана и, возвратясь разстроенный, со слезами на глазахъ, рассказывалъ: «Когда я «подошелъ къ одру соотечественника, то мнѣ представилось зрѣлище, напечатлѣвшееся въ моемъ сердцѣ: сестра милосердія держала въ рукъ своей охладѣвшую «руку врага и, приникнувъ къ его изголовью, съ евангельскою любовью напутствовала его въ міръ лучшій, ожидая принять послѣдній вздохъ; а въ потухающемъ взорѣ отходящаго выражались: спокойствіе и признательность.» Капитанъ Пьеръ долго оставался подъ впечатлѣніемъ неземнаго зрѣлища и, казалось, старался продлить его.
